

ДОМ-УСАДЬБА

Этот дом был построен так давно, что до сих пор учёные спорят, когда именно. Сначала он, как всё в Московском княжестве, был деревянным, затем стали строить кирпичными, потому что деревянные постройки сгорали во время междоусобиц и войн, а кирпичные только крепче становились от пожаров, обжигая глину снаружи.

Оля приехала к тётке Ане в гости и с радостью стала помогать ей в работе над кино. Сегодня они будут снимать старый дом, о котором пятиклассница уже знает так много, что может написать сочинение на отлично.

Навстречу гостям вышла научный работник Любовь Александровна. Обычно она приходила в музей на полчаса раньше, если её просили провести индивидуальную экскурсию для важных гостей. Ей нужно было настроиться внутренне, эмоционально.

И она, словно хозяйка, встретила гостью у входа в особняк. Гостя была с девочкой. У Оли фотоаппарат на ремешке, и она напустила на себя взрослую важность.

— Кто из нас не гордится историей своих предков! В 1850-е годы в Лопасне у родственников жили дети Пушкина! — Крестьяне и мещане гиду не интересовали, народную культуру она не затрагивала. — А в усадьбе хранилась рукопись «Истории Петра Великого», переданная в архив лишь в советское время.

Во время экскурсии девочка Оля переносилась в ту эпоху, выстраивая мосты времени. Она знала, что в Лопасне до революции долго жили дворяне Васильчиковы.

— Вот это удивительная случайность! — Анна сразу перешла к интересному вопросу. — О революционном царе открылась рукопись в дни революции? Пётр Великий поддержал бы революцию в семнадцатом году?

— После известных событий начала XX века тут наследники Александра Пушкина обнаружили сундук с его бумагами, и там рукопись.

— Рукопись в музее сейчас? — перебила, оживляясь, посетительница, включая кинокамеру.

— Нет, конечно! В нашей усадьбе «Лопасня-Зачатьевское» её нет. Тут только памятник архитектуры вы увидите. Барокко середины XVIII века, с ампирическим крыльцом.

Надежда СЕРЕДИНА

г. Чехов

УРОКИ ДЕТСТВА

рассказы

6 *Надежда Середина*

— Удивительно! Смотри, Оля, Пушкин здесь был.

Вошли в здание по старинным каменным ступеням.

— Из окна усадьбы мы, как дети Пушкина, видим ландшафтный парк с семью каскадными прудами на правом берегу реки Лопасни. Тут у нас старинное садово-парковое сокровище, — с высоко поднятой головой говорила гид, словно усадьба перешла ей. — У меня об этом есть в книге. Я подарю.

— Мы — наследники Пушкина, как его дети? Хорошо сказано. Интерьеры восстановлены или сохранились? — Снимала на кинокамеру Анна.

— Что вы, милочка! Сколько войн и грабежей было! Восстановлены, конечно.

— Любовь Александровна, а что останется от нас? Трудимся, растим детей, жертвуем своим временем. А время уходит, уходит, — улыбнулась грустно Анна, здесь она особенно остро чувствовала время. — Вот мы и сделаем фильм, чтобы можно было восстановить через сто лет, да, Олечка?

Девочка кивнула, словно во время урока, когда учительница по рисованию задаёт риторические вопросы. В первом классе они отвечали ей хором, а теперь только один Олег, отвечая, кричит. Он в пятом классе остался на второй год и был новеньким у них. Оля ходила молча за тётей и только кивала головой, понимая, что камера включена.

— «Гончаровский дом» и «пушкинское гнездо» — так называли эту усадьбу жители деревни, — продолжала гид. — Тут часто бывала Гартунг — старшая дочь поэта. Это её комната. А здесь комната брата её — Александра Александровича. Тут породнились Пушкины с Ланскими и Гончаровыми.

Дамы неторопливо ходили из комнаты в комнату, девочка-пятиклассница — за ними. Музейные экспонаты молчали, из рамок строго смотрели на Олю бывшие хозяева усадьбы и их гости, и тоже ничего не говорили. Поднялись на мансарду. Тут в конце коридора помещались три сундука.

— Как думаете, который из сундуков древнее? В каком была рукопись? — спросила гид шутя.

Анна рассмеялась, представив себя школьницей.

— Здесь, — показала она на самый маленький.

— Младший сундучок похож на лежак. Посмотрите, тёмная бирюза на крышке пообтерлась, словно проплешины. Средний сундук с кованым замком, с медными прожилками, как натруженные руки, которые, когда перетаскивали, отразились на нем. — Гид зашла за перегородку: — Перед вами старший сундучище. Он обшит металлом от основания до крышки.

— Это сундук-патриот, — сказала Оля.

— Он скрывает свой товар за двумя наружными замками на прикованных петлях, — продолжала гид. — О сундучниках, хранителях этих сундуков, мало что осталось. Опустел сундук, опустела, оскудела память. Служили сундучище, сундук и сундучок разным хозяевам. У каждого есть своя история приключений до того момента, как оказались они все вместе тут.

Сквозь пустоту коридора, словно сквозь столетие, взгляд Анны видел череду событий, из которых можно сделать фильм. Ведь тут была найдена рукопись Пушкина. Вот так скупо через сотню лет отдал сундук своё сокровище — рукопись. Сундук, вероятно, переходил из рук в руки, ибо в его внутренностях уже не было ни золота, ни серебра, ни дорогих одежд с бисером и жемчугом.

— Как рукопись оказалась нетронутой? — спросила Анна, беря в кадр сундук.

— Слово поэта дорого. А сундук — это деревяшка с замком, — сказала гид.

Анна представила, как, переходя от одного владельца к другому, сундук своей родины не покидал. Сундук-патриот, словно заговорённый, стоял на Лопасненской земле. Представьте, что сундук наконец попал в свой первый дом. За умение хранить тайну его поместили на верхнем этаже. Этот сундук-патриот — дедушка современных сейфов. Такие дедушки-сундуки в себе содержат целый остров сокровищ. В воде они, конечно, утонут, но в огне не сгорят. Были пожары, разрушения, стройки-перестройки, и железный сундук переходил из рук белых в руки красных. Порывшись, каждый находил ценность на свой вкус. Большой, как саркофаг, сундук унести далеко одному или двоим было невозможно. Вот и стоит тут.

Любовь Александровна могла часами рассказывать о Лопасненской земле:

— ...И вдруг внук Пушкина сообщил, что ру-

копись уцелела. Это была революция — обретение рукописи, в селе Зачатьевское в имении Лопасня-Зачатьевское. Здесь же был не город, а село Зачатьевское. Одни научные работники в это не верили, искали шутника-писателя, который так же, как Ильф и Петров, написал ради литературного эксперимента седьмую «Повесть Белкина». В научном мире считалось, что и наша рукопись утрачена.

Оля положила руку на сундук, словно трогая время, ей хотелось ощутить через холод замков холодное течение реки времени. Но реку Лопасню она представляла, а реку Времени как вообразить? Эта река, наверно, как небо, по которому плывут облака. Когда та река выходит из берегов, то проливается на землю дождём.

— ...Начали кропотливо исследовать страницу за страницей, строчку за строчкой, — гид продолжала. — Рукопись подлинная. «История Петра» не закончена.

Оля гладила сундук, словно живое существо, думая, как соединить островки облаков, кусочки времени: «Не закончено дело самого Петра. Революция как дуэль? Ужас, ужас! Рукопись пролежала в сундуке сто лет».

— ...Двадцать лет литераторы работали, и вот в 1938 году рукопись увидела свет.

Передалось вдохновение гида и Анне. Она вспоминала: «Вытряхали сундуки, начинались грабежи. Открывали погреба, гуляла бойко голытьба». Блок вместил весь хаос революции в несколько строк. Бунин в Париже писал об эмиграции, ностальгии и любви, которая в другом пространстве художественного времени — за границей реальности и за границей Родины. Главной книги о русском беспощадном бунте ещё нет. Эпопея «Война и революция» где-то в сундуках железных.

Голос гида:

— ...В Лопасне жили родственники Пушкина. И, вероятно, поэт бывал в их усадьбе.

— Вероятно? — разочарованно спросила Анна.
— Это не точно?

— Документально пока не подтвердили. После гибели мужа Наталья Николаевна с детьми посещала имение Васильчиковых. Лопасня от слова «лопасть» — вёсла, вы знаете.

— Хорошее слово, оптимистическое. Помните: «Если хочешь стать оптимистом и понять

жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вникай», — Анна цитировала. — Удивительно! От Пушкина до Чехова — тут такой пласт!

Оля думала: «У меня будет своё кино, которое я покажу на классном часе. Но нам сказала классная руководительница, чтобы готовили доклады и выступления не больше чем на 10 минут. А что сократить, если всё так интересно, важно?»

— ...Вдова Наталья Николаевна Пушкина избрала генерала Петра Ланского, — продолжала гид. — А он родом из Лопасни и родственник Васильчикова. В Лопасне жили и сестры Ланского, и, как это было принято, дети Пушкиных жили тут. Хозяева дворянских усадеб общались: Васильчиковы, Ланские, Пушкины, Гончаровы. И было гостей всегда много. А в предреволюционные годы сестры Гончаровы, племянницы Натальи Пушкиной-Ланской, смотрели за домом, хранили, украшали эти стены.

— А кто ещё бывал здесь, кроме Толстого и Левитана? — спросила Анна и, посмотрев на племянницу, кивнула ей одобрительно.

— Старший сын Пушкина, Александр Александрович, породнился, женившись на племяннице своего отчима — Софье Ланской...

— Скажите, пожалуйста, а селу Лопасня сколько лет? — осмелилась спросить у Любови Александровны Оля.

— Место это насчитывает тысячи лет, счёт ведя от первой церкви! Не поверите, но тут стражем был родовитый Рюрикович! — ответила гид.

Затем Любовь Александровна пригласила гостей на праздники:

— 19 октября — день Царскосельского лицея. Это как раз будет интересно девочке. 6 июня — Пушкинский праздник. Приглашаем вас, Анна! А 10 февраля — день памяти Пушкина. 8 сентября — Натальин день. Чаепитие будет и танцы, песни. «Женщины без мужского общества блекнут, а мужчины без женского глупеют». — Гид говорила цитатами, когда хотела удивить: — «Жизнь — это миг. Её нельзя прожить на черновике, а потом переписать на чистовик».

— Наверно, это чувствуют иностранцы, называя наших женщин Наташами. — Анна поймала строгий взгляд гида и сменила тему. — В Испании в замках художники живут.

Гид показала книгу «Земля Лопасненская» и протянула её Оле. Та чуть не уронила фолиант: удержать одной рукой невозможно.

Затем Анна с Олей пошли к храму. Возле стен церкви Зачатия праведной Анны — некрополь потомков гения: здесь и его старший сын Александр Александрович Пушкин с супругой Софьей (урождённой Ланской), внуки поэта Сергей, Григорий и правнучка Софья Павловна Воронцова-Вельяминова, здесь покоятся и владельцы усадьбы Васильчиковых и священнослужители. Высшее сословие позапрошлого века.

Кинокамера работала, её объектив хаотично выхватывал то одно, то другое, а упорядочить отснятое — это работа в студии.

— Тётя, а какие сословия — высшие? — спросила племянница.

— Дозволялось учиться в университете дворянам, духовенству и купечеству. В «Чайке», помнишь: «Вышел из университета по обстоятельствам, от нас не зависящим... А по паспорту я... Мой отец тоже ведь был киевский мещанин...»

— Да, помню. Его отчислили, потому что он был мещанин, а не дворянин?

Анна, воодушевлённая новыми впечатлениями, спросила Олю:

— Ты почувствовала то чеховское время?

— Да, тут был помещик, а в Москве — царь. И тут ещё жил Чехов.

— Революция стёрла сословные условности, преграды. Культура освободилась от оков, и рукопись обрела новую жизнь. И даже если Пушкин здесь не был, само место отмечено его именем. Александр Сергеевич и Антон Павлович могли бы быть знакомы. Когда Антон приехал учиться в Москву, ему было девятнадцать, а Александру Сергеевичу Пушкину было бы всего восемьдесят лет. Удивительно, они, можно сказать, современники! Вот так вот. Тогда Солнце было такое же и Земля та же. «Солнце одно для всех», как писал Чехов в рассказе «День за городом», — сказала Анна.

Она подумала: «Но как объяснить это ребёнку? Как сделать фильм таким, чтобы и детям было интересно раздвигать горизонты понимания времени и себя. Как помочь им обрести своё место в жизни, чтобы быть счастливыми?»

МУЗЕЙ ПИСЕМ

«Желаю вам прославиться на весь мир!» — процитировала Анна и задорно по-детски засмеялась, глядя на своих прелестных племянников.

Они ехали в Музей писем А. П. Чехова. Анна слушала Чулëниса через наушники. Пятиклассница Оля с младшим братом Егором сидели на задних сиденьях и любовались пейзажем: вдоль улицы всё молодые рябины и стайки серых воробьёв над красно-бурыми гроздьями. Рябину Оля рисовала, и её рисунок попал на школьную выставку.

— Если расставлять верстовые столбы по истории русской литературы, то я бы обозначила так: Толстой, Чехов, Бунин, — размышляла Анна вслух, глядя в зеркальце, с обратной стороны которого была Мадонна Рафаэля (память о выставке). — Чехов объединил языковые слои всех сословий, тем самым разрушая границы между ними.

— А вы, многоуважаемая, из какого сословия? — перебил её водитель, нажав на тормоз: на светофоре загорелся жёлтый.

— Дядя Володя, а вы? — вступилась за тётю племянница.

Дядя Володя вытянул ремень безопасности и сам пристегнул тётю.

Оля оживилась, достала свой планшет и включила на запись, повернув его так, чтобы четче записались голоса взрослых (на уроках так они баловались).

— Дядя Володя, вы расскажите, что в мире делается? — задала умный вопрос Оля.

— Есть динозавры? — поддержал сестру Егор.

— В России ещё не устоялось общество и сливки ещё не поднялись. Так что сказать сегодня, кто из какого сословия, не представляется возможным, — Владимир сказал, оглядываясь на детей. — Вот, может, через поколение успокоится и отстоятся сливки.

— Кто в сливках: олигархи, артисты, стукачи или люмпены? — усмехнулась Анна. — Лев

Толстой, как в зеркале, отразил власть культуры. Люди культуры — сливки.

— Не понял. Власть культуры? Мы поняли, кто есть кто. Это у Михалкова: культура — особая энергия... денег. Ты понимаешь, много мифов о русском мужике, а ни один из них к сегодняшнему дню не подходит.

— В чеховском мире нет элиты ни социальной, ни культурной, — говорила Анна. — У Чехова толстосумы, власть и деньги предрешающие, не есть национальная элита. Все связаны со всеми. И язык его выражает цельность и «слиянность» людей. В этой сборности — «слиянность» — и кроется тайна словесного творчества.

— Всё у тебя тайны, тайны. Будь проще, и люди к тебе потянутся. Как долго ты будешь в музее? — спросил Вова, как будто обижаясь на то, что Анна проигнорировала его замечание о русском мужике — переменяла тему.

— Я первый этаж не люблю, — пожаловалась Анна. — Будто на улице живёшь. Птички поют, а около весёлого дома такого наслушаешься — уши вянут. Окно — рампа.

— Жизнь твоя — театр! — отвернулся от неё Вова, скрывая усмешку. — Ты не живёшь, ты играешь! У меня была одна знакомая известная актриса, у неё было пять шуб: норковая белая, песцовая, каракулевая...

— Театр я почувствовала с десяти лет, когда танцевала ласточку, — перебила Анна. — Театр в театре: вот формула моего фильма. Вот, хочешь, прочитаю кусок сценария?

...Приехали. Оля выключила планшет, сохранив запись. «А если бы Чехов дожил до нашего времени, что бы он нам сказал?» — подумала она. Музеи девочке были интересны: они как двери в другой мир — прошлый, загадочный.

Около музея их ждала женщина-гид.

— Это работа Аникушина, — сказала она, показывая на памятник. — В 1987 году открылся наш «Музей писем А.П. Чехова». Антону тридцать два года, 6 марта 1892 года они приехали в Мелихово и сразу стали облагораживать полузаброшенную усадьбу. Свидетельство по письму.

— А мы в Мелихове уже были! — радостно похвасталась Оля.

— А я не был, — насутился братик.

— Для школьников специальные экскурсии. Ты в каком классе? — спросила гид у Оли.

— В пятом уже, — ответила девочка. — Я знаю...

— А я уже во втором! — перебил брат.

— С детьми надо говорить просто, но открыто. Они чувствуют псевдотемперамент и полуправду. И играть на их доверчивости это всё равно что играть на человеческой слабости. Поэтому учитель — особый человек, хотя у Чехова и учителя не безгрешны. Ребёнок должен верить. А вера, будь то в Бога или в учителя, это... — дальше гид цитировала: — «Я так понимаю, что вера есть способность духа. Она всё равно что талант: с нею надо родиться», писал Чехов в рассказе «На пути». Простите, отвлеклась. Хорошо, я постараюсь, чтобы и им было интересно. Наша экспозиция находится в здании старого почтового отделения. В музее экспозиция почтового отделения XIX века и выставка открыток. Отделение было открыто по личной активности писателя.

— Значит, он уже четыре года как жил в Мелихове? — уточняла Анна.

— Да! Вот посмотрите! Рожок почтальона висит на стене, — указала гид гостям на экспонат.

— Как у почтальона Печкина! — вспомнил Егор мультик.

— На железнодорожной станции Лопасня было единственное почтовое отделение, — продолжала гид. — Две с половиной тысячи писем отправил отсюда Антон Пальч! «Я обещал мелиховским крестьянам сто рублей на постройку дороги от Васькина до Мелихова», — писал он в завещании. Представьте: тарантас, это, конечно, не телега, но и не карета. «Дорога со станции до имения всё время идёт лесом», «мы отделены от мира», «приеду, когда наладится дорога», жаловался Антон Павлович.

— В колокольчики можно позвонить? — подошёл ближе Егор.

— Можно. Колокольчики были во времена Петра I только почтовыми. А свадебные — это потом переняли у почты. И рожок был из бересты. Потом из металла стали рожки. Когда-нибудь на морозе пробовал к металлу губами прикоснуться? — спросила гид и посмотрела на Егора учительским взглядом.

— Да, — зажал рукой рот мальчик.

— Губки береги! А зима какая! Холодно, мороз

10 *Надежда Середина*

трещит. Приезжала почта в деревню — колокольчики звенели. А это дуга — деревянная. Почта работала двадцать четыре часа. За сколько дней из Мелихова в Санкт-Петербург могло попасть письмо от Антона Палыча?

— За два дня! — угадывала Оля.

— За три! — выкрикнул Егор.

— За двадцать четыре часа, — сказала гид и пояснила: — Если хорошая погода. Ведь от Мелихова до Лопасни нужно было добираться на тарантасе.

— Не отгадала! — толкнул сестру брат. — А динозавры тогда были?

— Во времена Чехова не было динозавров, — урезонивала сестра брата.

— А во времена Пушкина? — не унимался брат, повиснув на её руке.

— Сам ты динозавр! — оттолкнула его Оля и сама отошла.

— В ожидании поезда доктор гостил обычно в доме начальника станции. У того было много детей, и они его любили и ждали. По ходатайству Антона Павловича тут стали останавливаться и скорые поезда. Лопасня — это таинственная Троя.

— А что это такое «верстовой»? — шёпотом спросила Оля.

— Вот такие верстовые столбы ввел Петр I по всем российским дорогам: «Ставить верстовые столбы, крашенные и подписанные цифрами». Был приказ. А первыми верстовыми столбами были те, что стояли от Москвы до Коломенского. Пушкин писал:

*Навстречу мне
Только вёрсты полосаты
Попадают одне...*

И «колокольчик однозвучен». Вот эти «вёрсты полосаты» мы тут видим. Писатель рисовал картину России взглядом интеллигента, а получила народная картина. Посёлок городского типа Лопасня переименован в город Чехов только в 1954 году.

— Ой, а у нас бабушка в этот год родилась! — вспомнила Оля.

Ей дали две открытки, которые нужно бросить в почтовый ящик здесь, в музее, — и они придут им в студию. Егор обиделся: понял, что

вторая открытка предназначалась ему, но гид отчего-то решила, что он сам не напишет послание и адрес.

— Я тебе открытку отдам, но сама на ней напишу. А то ты напишешь: «На деревню бабушке», — поняла его сестра по сердито сведённым бровям.

— Мне не надо. Я не маленький. — И он пошёл к машине.

Водитель ждал их около музея. Они возвращались в студию.

Машина повернула у танка, застывшего на пьедестале перед зданием мэрии, — знак Победы. Анна мысленно спросила у себя, проведя пальцами по холодному стеклу: «У войны не женское лицо»? Но это уже Алексиевич.

— Женщины рожают, а мужчины убивают, — сказала она громко, чтобы заглушить мотор машины. — И тот, кто убивает, правит миром. «Война кровь любит», есть такой рассказ, который страшно поразил меня своей откровенностью. Война ещё и мозги любит, не только кровь. Четвёртое поколение страдает. Дети, чьи деды, отцы и матери были на войне или в горячих точках, не такие, как их мирные, смиренные сверстники.

— Не замечал, — парировал Вова. — Кепочка с красным лоскутком? Где бы примерить её? Спрошу у Виктора Пронина.

— И маленьким литератором быть приятно, — сказала Анна, вспоминая невысокого, шестинишного прозаика прошлого века. — Чехов превзошёл своих современников: и Толстого, и Бунина, — сказала она, чтобы сменить тему.

— Время летит, и надо спешить любить друг друга, — выдал Вова.

«Брак есть венчание. Всё остальное — грех», — подумала Анна, а вслух ответила словами Чехова:

— «...К сожалению, мне попался грач, резонер и моралист...»

ИГРА НА ПУСТЫРЕ

*Дай прежде насытиться детям;
ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам.*

Евангелие от Марка. 7:27

Осенью рано наступают сумерки, каждый коротает это время по-своему. Зоя Ивановна укрылась тёплым пледом и задремала. Снилось ей сначала что-то хорошее, а потом вдруг грохот, ужас — война. Она открыла глаза и обрадовалась — вокруг была спокойная жизнь. Вдруг звонок. Что это? Опоздать на урок она себе не позволяла никогда. За ее плечами тридцать шесть лет учительской работы. Сейчас она живет одна, на пенсии. Муж ее умер от осколка, который остался в нем как частица войны.

Открыла глаза Зоя Ивановна — звонок прервался. За окном было темно. Поздние телефонные звонки она не любила — боялась их. Разбудят, пять минут поговорят, а потом она опять погружается в свое бессонное одиночество. В одиночестве ей казалось, что она маленькая девочка, а кругом война, и все бегут куда-то.

«Нет, вставать еще, наверно, рано, — заглянула за штору — за окном темно. — А который сейчас час? Утро? Ах! Это же телефон звонит, а не будильник!»

Быстро включила свет, подошла к письменному столу, где рядом со школьными тетрадями расположился старенький с круглым диском телефон.

Услышав голос матери Игорька, с которым она занималась на дому, учительница решительно собралась отказаться от уроков.

— Да, да. Это я. Извините, я, наверно, не смогу дальше заниматься, — говорит решительно Зоя Ивановна. — Что? Пожалуйста, говорите.

— Игорек... Игорек... — всхлипывает, обрывается звук в трубке.

— Что?! Говорите! — сон сразу покинул её.

— Игорек... — дрожит голос его матери. — Мой Игорек... Он... Его... У него...

— Он жив?

— Да, — дрогнул голос матери. — Обгорел сильно...

— Где? Пожалуйста, не молчите. Ох, у меня так душа болела, — дрожала рука Зои.

— Вчера на пустыре костер жгли. В больнице он... Мне на работу позвонили, я прибежала, и скорая помощь подъехала. Везу его, все лицо черное, а он шепчет: «Зою Ивановну жалко... Она добрая».

Зоя Ивановна удивилась, но у детей своя правда. Спросила:

— Глаза целы?

— Веки распухли. По земле катался. Огонь тушил... Врачи не говорят, удастся ли сохранить зрение. Куртка сгорела. Не догадался сбросить, — плачет мать.

— Один был?

— С Димкой Пипеткой. Он то из пипетки стреляет, то лезвием режет, то нашел баллончик. А у моего каучуковый мячик был. В костер бросили. У кого сильнее фейерверк. Димка убежал. А мой дурачок посмотреть захотел на фейерверк.

— Утром я буду у Игоря, — учительница записала адрес больницы. И подумала: «Дети, дети, сами себе террористы. Как в войну гибнут».

— Не плачьте. Пожалуйста, крепитесь. Ради сына.

Зоя Ивановна легла, попыталась уснуть. Душа волновалась, словно билась в груди встревоженная птица. И прыгал каучуковый мячик перед мысленным взором. И светился, как огни фейерверка. А потом костер на пустыре. И веснушки, как капельки огня. Сон пропал. Она включила свет и стала перечитывать письма учеников.

Уснула под утро. Снились война, бомбежка, вагончик-теплушка и перестук вагонных колес. Поезд увозит детей из страшного пожарища войны. В войну она была ребенком. Но не любила эти недетские сны, а они безжалостно повторялись.

Три остановки шла пешком, и мысли, ее верные спутницы, шли с ней. Разве может быть жалость не модной, не современной? От-

дыхала бы на заслуженном отдыхе. Но смотреть телевизор, разгуливать — это не для нее: всю жизнь училась и учила детей. И она вспомнила всё подробно: как дала объявление, как познакомилась с Игорьком.

Пришли сын и мать. Мать — фотомодель: шляпка с загнутыми полями, сапоги на шпильке, длинное пальто.

— Мы по объявлению. — Шляпка посмотрела на себя в зеркало. — Вы репетитор?

Вместе с ней в большом зеркале отразился веснушчатый, совсем не похожий на мать-фотомодель сын. Это он играл вчера с огнем. Это он спрашивал на уроке, что будет, если мячик каучуковый в костер бросить.

— Вы репетитор?

— Да, — Зоя Ивановна поморщилась от латинского «репетитора». И хотя модное это слово было не симпатично ей, однако она уступила веянию времени и сама вставила его в объявление. — Пожалуйста, проходите в зал.

С того дня Игорек стал приходить ежедневно. И сияли его веснушки, словно солнце, освещая квартиру и мысли старой одинокой учительницы. С первого дня обнаружилось, что за три года школы мальчик научился только читать по слогам да медленно писать, путая заглавные «Э» и «Е».

— А в какую сторону надо писать? — поднимал курносый нос и, написав две-три строчки, опять спрашивал: — А вы смотрели вчера вечером кино?

— Нет. Я не люблю смотреть про террористов. Я не люблю войну.

— Как он его схватил! — взалхлеб спешил выговориться мальчик. — А там еще один мужик! Как они его тащат, а он их! Брыкается!!! — засмеялся Игорь.

У Игорька даже круглые пухленькие мочки ушей в игривых весенних пятнышках, хотя на дворе завязывалась хмурая осень. И имя у него было тоже игривое — Игореk.

— А вы не боитесь, что вас обворуют? — Игореk кончил писать строчку.

— У нас нечего воровать, — поправила Зоя Ивановна авторучку в его руке, улыбалась, она полюбила его как родного внука.

— А у нас японский телевизор! — хвалится мальчик. — Хочу пить пепси-колу.

Она угощала чаем с вареньем. Когда переходили к чтению, Игорь всегда просил:

— Почитайте еще.

И Зоя Ивановна читала, а потом предлагала разыграть по ролям. Но мальчик читать не умел, слова не соединялись в предложение, предложение — в образ.

— У тебя ведь отдельная комната! Пусть мама смотрит телевизор, а ты уйди к себе, сиди и читай, — убеждала она его. — Читать очень интересно!

— А знаете, как стрелять из пипетки?

— Нет! — улыбалась Зоя Ивановна, чувствуя, что мальчику во что бы то ни стало хотелось выговориться.

— Надо взять пипетку, — поднял Игорь руку над столом и сжал два пальца. — Пипетка из стеклянной трубочки и резинового колпачка. А мы их подставляем под кран. Пипетка растягивается. — Сжимает поцарапанные пальцы. — И пошли! — Он поднялся со стула. — А потом стреляю. Вон до той стены долететь может! А у нас одного мальчишку Пипеткой дразнят. — Игорь смачно шмыгнул носом.

— Почему ты не носишь носовой платок?

— Он мешает — карман оттопыривается. А каучуковый мячик, как теннисный, подпрыгивает! А Пипетка говорит, что когда его в костер бросишь, то фейерверк будет. Ой! Я иду к доске, — вскочил Игорь, потрянув русым чубчиком. — Иду себе... А Пипетка — раз! Сзади выстрелил! А англичанка: «Чего встал?» А я, сами понимаете, как выйду? Мокрый же! А у меня вот что есть! — вынул он из-за нашивки на рукаве два лезвия.

— Игореk, зачем ты носишь лезвия в школу? — она вспомнила мальчишек из военного детства. Играли в войну, потому что была война. Но зачем война этому мальчику? — Игорь, опасно играть лезвиями! У него обоюдоострые края.

— А что?! Мне Пипетка тетрадку порезал. Вот. Видите? — Просунул палец в дырку школьной формы.

— Дай мне лезвия! — строго сказала учительница.

— Не! — засмеялся он, и капля упала с носа на тетрадку.

Пересилив в себе неприязнь, Зоя Ивановна

положила салфетку, похожую на промокашку из старых тетрадей, на белый тетрадный листок.

— Когда я был маленьким у бабушки в деревне, ночью меня разбудила она и говорит: «К нам пришёл ёжик. Пошли». На улице было совсем темно. Из окна был свет. И тут стояла миска. Я налил молочка. И ёжик, как робот, две недели приходил к нам ночью.

Долгими вечерами Зоя Ивановна вспоминала, как выжили они в войну, как люди помогали друг другу. Это был действительно могучий народ, крепкий народ, и его нельзя было победить. И она верила в это. Что же сейчас произошло? Что мешает людям быть добрыми? Иногда хотелось взять этого мальчика совсем на воспитание, чтобы укладывать его спать не с окончанием телепередач, а после вечерней сказки для детей, и читать ему, читать вечерами, все, что читала она своей дочери и внучке... И со щемлящим чувством жалости вспоминала она, как Игорь, забывшись однажды, назвал ее мамой.

В первый день после каникул Игорек таинственно сообщил:

— А я у бабушки был! — посмотрел на Зою Ивановну, словно проверял, готова ли она его слушать. — У нее тут, там, там, — он поднял голову и тыкал пальцем, — везде иконы... — «Иконы» он произнес как-то особенно, с придыханием. И прошептал: — Показать вам? — И в его глазах осторожность сменилась доверительностью, он вынул из верхнего кармана сложенную вчетверо плотную белую бумагу.

Зоя Ивановна взяла бумажку. Треугольник был похож на фронтное письмо. Она хотела развернуть, но он быстро выдернул из ее пальцев таинственный, с неровно оборванными краями треугольник.

— Нельзя! — разгладил уголок. — А то пропадет все... — прошептал, аккуратно вложив в карманчик. — Это бабушка мне от двоек заговорила... — И, словно испугавшись чего-то, взглянул исподлобья. — А вы не верите?

— Верю. Бабушка твоя добрая и мудрая.

Игорек подходил к пианино, открывал крышку, ударял по клавишам и слушал.

— Хотите, я вам сыграю «Собачий вальс»? Меня Наташка научила...

Ударял напряженным прямым пальцем и слушал.

— А мне каучук достали, — запустил он руку в карман и вытащил с облипшими ворсинками круглый комок, похожий на засохшую глину. — Если его сильно бросить, им можно убить. Вот мячиком нельзя, а каучуком можно! — Он подбросил комок. Ворсистый шар ударился глухо, высоко подскочил. — Видите как! — поймал и опять подбросил. — Мне еще дядя Боря много принесет!

— Да, да, — терпеливо слушала учительница.

— Хотите, я вам дам? — Он достал из другого кармана маленькие белые шарики, похожие на скатанные хлебные мякиши. — Дядя Боря принес все такие шарики, а я катал, катал их, мял, мял, — сжимал он в одной руке ворсистый комок, в другой — маленькие мякиши. — Всю ночь мял! Даже прыгал по ним в постели! — гордо держал он на ладони каучуковый мячик.

— Игорек, открывай книгу, будем читать.

— А может, не надо?

— Надо! — терпеливо настраивала его Зоя Ивановна после домашней несобранности. — Ученье — свет...

— Может, вы почитаете, а я послушаю? — капризничал он. — А знаете, мы вчера с мамой весь вечер выковыривали... А? Чем глаза красить? Как её?

— Не «ее», а «их». Это множественное число. Тени.

— А почему вы не краситесь? — непринужденно разглядывал ее лицо.

— Я люблю чистое лицо.

Зоя Ивановна придвигает к Игорю книгу. Он читает, спешит, проглатывает буквы, спотыкается, словно слепой о камни.

— Не торопись. О скорости думать рано, не на велосипеде. Ты должен чувствовать, как движется твой взгляд во время чтения, и, главное, понимать, о чем читаешь, — положила Зоя Ивановна ему руку на плечо и ощутила: под пальцами — резаная дырка, как рана от ножа. — Читать так же интересно, как путешествовать или играть в футбол! У тебя ведь отдельная комната, и тебе никто не помешает, если ты захочешь отправиться в книжное путешествие...

14 *Надежда Середина*

- Я живу на балконе! – перебил Игорь.
- Как – на балконе?

Он молчит, а потом снова начинает спотыкаться о сгрудившиеся буквы: о глухие и звонкие, шипящие и сонорные.

– На балконе – там хорошо! Там комфорт сделали!

– Комфорт?!

– Что?! Тоже в словаре нет?

– Это книжное слово образовалось из английского, а по-русски просто уют.

– Уют? А мой папа говорит «комфорт», – голос его перестает спотыкаться, и он быстро продолжает. – У меня такая комнатка, как два стола. Там даже окно есть.

– Игорек, у вас ведь трехкомнатная квартира?! А ведь война давно кончилась!

– Двух! Двухкомнатная! А третья – мой балкон!

В глазах учительницы было понимание всей сложности жизни. Ребенок привык к двойкам, учителя привыкли к нему, мать дышит по Бутейко. Балкон – это не русская печь посреди хаты, поэтизированная в народных сказках. Балкон – это стекловата, бетон, железо.

– А когда отец меня учил разговаривать, – веснушчато улыбался Игорек на следующем уроке, – он говорил мне: Скажи «мама». Скажи «папа». А я молчу. А отец опять: «Скажи

МАМА, ПАПА». Я молчу. А он: «Ну и дурачок ты!» И я заговорил: «Дуачок? Дуачок? Дуачок...» Так и научился говорить, – смеется Игорек. – Бабушка рассказывала.

Вернулась Зоя Ивановна к письменному столу, открыла тетрадку с заданиями. «Какие люди вам особенно нравятся?» – спрашивалось в упражнении. Спотыкающимся почерком Игорь писал: «Мне нравятся честные люди. И люди, которые жалеют других людей. Я не люблю войну». Ей захотелось увидеть и Игорька, и всех людей счастливыми. Она поставила пятерку.

□

Надежда Митрофановна СЕРЕДИНА –

прозаик, публицист.

Окончила Воронежский педагогический университет, литературные курсы Литературного института им. А.М. Горького.

Публиковалась в журналах «Москва», «Роман-газета. XXI век»,

«Мир женщины», «Подъём», «Север» и др.

Автор 25 книг, среди которых «Подростки», «Тайна личной жизни»,

«Чёрная птица на белой сирени», «Пленницы грехопадений».

Отмечена премией журнала «Мир женщины» (2001) за лучший рассказ,

лауреат областной премии им. И. Бунина (2002),

призёр 6-го Международного конкурса им. М. Володина (2008).

Главный редактор газеты «Художественная литература и жизнь».

Член Союза писателей России.

